Неученый священникъ

(біографическій очеркъ *).

Ниже вжигаютъ свѣтильника, и поставляютъ его подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, и свѣтитъ всѣмъ, иже въ храминѣ суть (Мѳ. 5, 15).

Въ настоящее время, когда многіе любятъ порицать наше православное духовенство, (вскормившее каждаго изъ насъ „словомъ истины“ подъ сѣнью нашей св. православной церкви), не лишнимъ будетъ привести на память жизнь пастыря, который, „не мудрствуя лукаво“ и „не господствуя надъ наслѣдіемъ Божіимъ, но подавая примѣръ стаду“ (I Петр. 5, 3), до послѣдней минуты своей жизни пребывалъ на высотѣ своего призванія, былъ „свѣтильникомъ“, возженнымъ рукою Божественнаго Промысла „да входящіи свѣтъ видятъ“ (Лук. 11, 33).

Да, это былъ воистину „свѣтильникъ горя и свѣтя“, (Іоан. 5, 35), хотя и принадлежалъ къ неученымъ пастырямъ, такъ какъ не только не окончилъ курса въ семинаріи, но неучился и въ духовномъ училищѣ. Звали его о. Алексѣемъ, по фамиліи Петровымъ, а священствовалъ онъ въ селѣ Алексѣевкѣ чембарскаго уѣзда. Воспитаніе свое, въ смыслѣ обученія грамотѣ, о. Алексѣй получилъ дома, отъ отца своего священника с. Ершовки, (того же чембарскаго уѣзда),—человѣка богобоязненнаго, трудолюбиваго и строгаго. Подъ руководствомъ отца, онъ изучилъ грамоту „по часослову и псалтири“, а когда настолько овладѣлъ ею, что могъ бойко читать, отецъ велѣлъ ему во время богослуженія становиться на клиросъ

---

*) Разсказъ принадлежитъ одному уважаемому доктору.

и привыкать къ исполненію должности причетника; при этомъ не забыта была и „нота“, которую молодой причетникъ изучилъ основательно, такъ что впослѣдствіи, по справедливости, могъ считаться однимъ изъ лучшихъ „нотниковъ“ и чтецовъ во всей округѣ. Не легко, конечно, досталось юношѣ это превосходство: не рѣдко строгій отецъ билъ сына за неисправность, даже въ то время, когда послѣдній былъ уже дьячкомъ. Разсказываютъ, что отеческое „наказаніе“ постигало чтеца Алексѣя даже во время самаго богослуженія, когда церковь была полна народа. Въ наше „просвѣщенное и гуманное“ время подобная публичная расправа представляется невѣроятной, дикой, но не надо забывать, что о. Алексѣй жилъ еще въ ту эпоху, когда нравы были проще и, пожалуй, грубѣе, а потому и этотъ поступокъ отца не вызывалъ ни чьего негодованія и не казался оскорбительнымъ даже для самого наказуемаго сына.

Исполненіе должности причетника не исключало, для о. Алексѣя, и сельско-хозяйственныхъ занятій. Отойдетъ, бывало, обѣдня въ воскресный или праздничный день, и къ вечеру уже строгій отецъ посылаетъ сына въ поле, гдѣ тотъ и живетъ обыкновенно всю недѣлю, работая наравнѣ съ прочими отцовскими работниками.

Такъ прожилъ о. Алексѣй, трудясь и смиряясь предъ отцемъ своимъ лучшіе годы своей жизни. Когда же онъ достигъ зрѣлаго возраста и изучилъ въ совершенствѣ церковный уставъ, отецъ, видя въ немъ мужа совершеннаго возрастомъ и духомъ, рѣшился ходатайствовать предъ Преосвященнымъ Иннокентіемъ, епископомъ Пензенскимъ и Саратовскимъ, о рукоположеніи сына во священника въ сосѣднее село Алексѣевку, гдѣ, въ то время, оканчивалась постройка приходскаго храма. Кто не слыхалъ о святости

жизни Преосвященнаго Иннокентія, о его всегдашней опасливости при выборѣ лицъ на священническія мѣста? Увидѣвъ чтеца Алексѣя и испытавъ его „довольно", какъ въ догматахъ православной церкви, такъ и въ знаніи церковнаго устава, а главное предугадавъ въ немъ „сосудъ избранъ", Преосвященный рукоположилъ его во іерея. Впослѣдствіи оказалось, что новопоставленный священникъ оправдалъ надежды кроткаго владыки и воистину оказался „пастыремъ добрымъ", полагающимъ „душу свою за овцы своя" (Іоан. 10, 11). Проходя ревностно службу Божію, исполняя приходскія требы, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, составлявшимъ и тогда главное подспорье къ матеріальному обезпеченію нашихъ пастырей, о. Алексѣй нашелъ досугъ и на обученіе дѣтей грамотѣ, устроилъ въ церковной сторожкѣ училище безъ всякой суетной и честолюбивой мысли, а собственно потому, что понималъ необходимость просвѣщенія для своихъ прихожанъ. Такимъ образомъ въ Алексѣевскомъ приходѣ, какъ-бы сама собой, возникаетъ церковно-приходская школа, и возникаетъ въ такое время, когда, по крайней мѣрѣ въ нашей Пензенской сторонѣ, никому и въ голову не приходила мыслъ о подобныхъ „затѣяхъ". Благодаря истинной любви къ дѣлу самого учителя, школа въ короткое время пріобрѣтаетъ несомнѣнный успѣхъ: въ нее, кромѣ дѣтей Алексѣевскихъ прихожанъ, стали стекаться ученики и изъ другихъ селеній, даже не принадлежащихъ къ чембарскому уѣзду.

Обучая дѣтей грамотѣ, о. Алексѣй устроилъ изъ своихъ учениковъ изрядный церковный хоръ, очень понравившійся владѣльцу с. Алексѣевки графу Разумовскому, какъ-то разъ заглянувшему въ свое помѣстье. Но болѣе самого хора понравился графу священникъ и не столько устройствомъ школы и пѣвческаго хора, сколько своею добротою и ис-

кренней любовью къ прихожанамъ; говорятъ—не было бѣдняка, который когда либо уходилъ отъ своего священника съ пустыми руками, безъ матеріальнаго пособія—мукой, крупой, печенымъ хлѣбомъ и т. п., пособія тѣмъ болѣе цѣннаго, что выдавать его приходилось о. Алексѣю тайно отъ матушки, отличавшейся немалою расчетливостію... Когда устроилась церковно-приходская школа, о. Алексѣй не иначе ходилъ въ нее, какъ наполнивъ свои карманы ломтями хлѣба, которые и раздавалъ ученикамъ своимъ, между которыми было много бѣдныхъ, неимѣвшихъ возможности запастись хлѣбомъ изъ дому.

Мы замѣтили, что о. Алексѣй, устраивая школу, не имѣлъ никакой задней мысли, не искалъ никакой награды, но какъ, по слову евангельскому, не можетъ укрыться городъ на верху горы стоящій, такъ не укрылась и благотворная дѣятельность „добраго пастыря". Упомянутый выше графъ Разумовскій, увидѣвшись въ Пензѣ съ Преосвященнымъ Амвросіемъ (Моревымъ), разсказалъ ему объ Алексѣевскомъ священникѣ, какъ онъ завелъ школу и пѣвчихъ въ приходѣ, какъ одѣляетъ своихъ учениковъ ломтями хлѣба. Владыко оцѣнилъ столь рѣдкую доброту; и вотъ, въ одно прекрасное утро, о. Алексѣй вдругъ получаетъ изъ консисторіи указъ немедленно прибыть въ Пензу и явиться къ Преосвященному. Испугался о. Алексѣй и недоумѣвалъ, чтобы это значило? зачѣмъ его вызываютъ въ Пензу? Пріѣхавъ туда, онъ съ трепетомъ предсталъ владыкѣ.

— Откуда ты? спросилъ преосвященный, подходя въ числѣ прочихъ посѣтителей къ о. Алексѣю.

— Изъ села Алексѣевки, Преосвященнѣйшій владыко! отвѣчалъ робко священникъ, кланяясь, по обычаю того времени, въ ноги.

— Такъ это ты завелъ училище и вездѣ съ ломтями ходишь? продолжалъ владыка.

Тутъ, о. Алексѣй окончательно растерялся и, думая, что навлекъ на себя гнѣвъ владычный, снова повалился въ ноги и только бормоталъ отъ страха:

— Бѣдные они, владыка, и темные! виноватъ владыка!...

— Встань!—сказалъ Преосвященный, удивленный такимъ глубокимъ смиреніемъ,—встань! не обвиняю я тебя, а наградить хочу: готовься! завтра, за литургіей, возложу на тебя набедренникъ". Когда же на другой день, по окончаніи литургіи, Преосвященный велѣлъ награжденному идти въ архіерейскій домъ, о. Алексѣй опять впалъ въ недоумѣніе, опять сталъ безпокоиться, но оказалось, что владыка, желая сдѣлать ему отличіе, пригласилъ его къ себѣ на чай вмѣстѣ съ двумя архимандритами и знатнѣйшимъ городскимъ духовенствомъ. Выпивъ чашку чая, о. Алексѣй, по примѣру другихъ гостей, подошелъ ко владыкѣ подъ благословеніе, но Преосвященный предложилъ ему выпить еще чашку, говоря: „тебѣ, вѣдь, въ дорогу ѣхать".—Такъ онъ милостивъ былъ къ смиренному Алексѣевскому священнику.

Обо всемъ этомъ разсказывалъ мнѣ родной внукъ о. Алексѣя (по матери), Богоявленской, города Керенска, церкви священникъ И. Г. Б—въ. О послѣднихъ годахъ жизни своего дѣда, онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее:

„Когда я учился въ семинаріи, то во время лѣтнихъ каникулъ гащивалъ у дѣдушки въ с. Алексѣевкѣ, и тутъ насмотрѣлся я на его, можно сказать, праведную жизнь: на его кротость и доброту, какъ съ людьми близкими, такъ и съ посторонними; на его незлобіе въ случаѣ обидъ, причиняемыхъ ему другими. Помню, однажды работникъ свелъ у него тайкомъ корову и продалъ ее; когда это открылось,

дѣдушка не только не прогнѣвался на невѣрнаго работника, но даже не сослалъ его. Да и могъ-ли онъ гнѣваться на кого-бы то ни было, когда у него, въ умѣ и на устахъ, постоянно была молитва: сю начиналъ и оканчивалъ онъ каждый день, съ нею ѣхалъ и въ поле и на пчельникъ, или въ ближнее село".

„Вотъ, напримѣръ, отправляется нашъ дѣдушка на пчельникъ; правитъ онъ лошадью, по обычаю своему, стоя на колѣняхъ и безъ шапки, вѣтеръ развѣваетъ его сѣдые волосы;—и, вмѣстѣ со стукомъ колесъ, съ дребезжаньемъ телѣги, слышится тихое, дѣдушкино, молитвенное пѣніе; какъ будто не поле раскинулось предъ старикомъ и не дорога вьется къ пчельнику, а стоитъ онъ на молитвѣ среди храма Божія.

— „И вы, дѣтки, пойте со мной!", скажетъ, бывало, дѣдушка намъ, ребятамъ, когда увяжемся мы съ нимъ прокатиться; и вотъ тогда, вмѣсто тихаго, старческаго пѣнія, раздается среди поля уже стройный хоръ звонкихъ, дѣтскихъ голосовъ.

„Памятны также мнѣ и наши хожденія съ дѣдушкой въ праздничные дни съ молебнами. Долго, бывало, мы странствуемъ по селу изъ одного дома въ другой,—и въ день обойдемъ не болѣе дворовъ 25-ти, потому что въ каждомъ домѣ, по окончаніи молебна, дѣдушка непремѣнно вступитъ въ бесѣду съ хозяевами и продолжаетъ ее даже на улицѣ, направляясь уже къ другому двору; вслѣдствіе чего насъ всегда, бывало, окружаетъ большая толпа прихожанъ, жадно вслушивающаяся въ каждое дѣдушкино слово, потому что говорилъ онъ хотя и объ очень простыхъ вещахъ, но рѣчи его были какъ-то особенно увлекательны. Иной разъ, и я заслушивался этихъ рѣчей. Такъ, до сихъ поръ помню, что однажды дѣдушка, бесѣдуя съ однимъ крестьяниномъ,

совѣтывалъ ему „смиряться“, и при этомъ какъ-то образно объяснялъ, что отъ гордаго человѣка Богъ удаляется, а къ смиренному и кроткому приближается“.

— „Возгордится человѣкъ, и возвышается и возвышается, —говорилъ дѣдушка, поднимая къ верху руки и какъ-бы изображая этимъ превозношеніе человѣка,—а Богъ-то отъ такаго человѣка еще выше, да еще дальше отходитъ; а какъ начнетъ человѣкъ смиряться, клониться передъ Богомъ,—продолжалъ дѣдушка, начиная опускать къ землѣ руку,—ну и Богъ нисходитъ къ нему все ближе, да ближе и осѣняетъ человѣка своею благодатью; потому что смиренныхъ, да кроткихъ Богъ любитъ, а гордымъ противится“.

Въ 1861 году, когда, по поводу освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, въ чембаркомъ и въ смѣжныхъ съ нимъ, керенскомъ и моршанскомъ уѣздахъ, въ массѣ крестьянскаго населенія возникли было безпорядки, Алексѣевскій приходъ все время оставался спокойнымъ, благодаря нравственному вліянію на прихожанъ престарѣлаго пастыря. Одного слова духовнаго отца было достаточно, чтобы духовные дѣти несоблазнились всеобщимъ примѣромъ и пребыли вѣрными своему долгу, долгу повиновенія властямъ,—повиновенія не только „за страхъ, но и за совѣсть“. Теперь доблестный пастырь давно уже почилъ отъ трудовъ своихъ, давно покоится въ могилѣ, но добрая память о немъ и по сіе время живетъ въ приходѣ, видѣвшемъ его добрыя дѣла.

Альфа.